

нами для вивчення структури. Це свідчить про їхню здатність брати участь у задоволенні вимог двох основних функцій публіцистичного стилю – інформативної і впливової. Семантична організація обстежених нами речень визначається насамперед значенням опорних слів (дієслів з різними відтінками інтелектуальної діяльності) й лексико-семантичним наповненням синтаксичних позицій у структурі предикативних частин.

Література

1. Богатько В. В. Синтаксис і стилістика неповних речень у мові сучасної української періодики : [навч. посібник для спецкурсу] / В. В. Богатько. – Вінниця : Нова книга, 2010. – 176 с.
2. Вихованець І. Р. Граматика української мови. Синтаксис : [підручник] / І. Р. Вихованець. – К. : Либідь, 1993. – 368 с.
3. Карпенко В. О. Основи професійної комунікації : [посібник для вищих навчальних закладів] / В. О. Карпенко. – К. : Нора-прінт, 2002. – 348 с.
4. Словник сучасної української літературної мови : [в 11 т.]. – К. : Наукова думка, 1970–1980. – Т. 1–11.

Анотація

У статті виокремлено семантичні різновиди дієслівної лексики, що виступає в ролі опорного компонента головної частини з'ясувальних складнопідрядних речень інтелектуальної діяльності: мислення, судження; знання; висновку, рішення, які найповніше втілюють інформативну функцію газетного стилю.

Ключові слова: з'ясувальні складнопідрядні речення, інтелектуальна діяльність, мислення, судження, знання; висновок, рішення, публіцистичний стиль, газетна публіцистика.

Аннотация

В статье выделены семантические разновидности глагольной лексики, которая выступает в роли опорного компонента главной части изъяснительных сложноподчиненных предложений интеллектуальной деятельности: мышления, суждения; знания; вывода, решения, которые в полной мере реализуют информативную функцию газетного стиля.

Ключевые слова: изъяснительные сложноподчиненные предложения, интеллектуальная деятельность, мышление, суждение, знание, вывод, решения, публицистический стиль, газетная публицистика.

Summary

In the article the semantic varieties of verb vocabulary have been distinguished which are taking the role of the base component of declarative complex sentences of mental activity: thinking, opinion; knowledge; conclusion, decision which realize the informative function of the newspaper style fully.

Keywords: declarative complex sentences, intellectual activity, thinking, opinion, knowledge, conclusion, decision, sociopolitical style, newspaper sociopolitical journalism.

УДК 81'25:821.111

Рябова М. Э.,

доктор философских наук,

Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева

(Саранск, Мордовия)

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ АВТОРСКОЙ МЕТАФОРЫ В ПЕРЕВОДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ РУССКОЙ И НЕМЕЦКОЙ КАРТИН МИРА

Важное место среди многочисленных проблем современного языкознания занимает исследование лингвистических аспектов переводческого дискурса русской

и немецкой картин мира. За любым переводом стоит проблема идентичности той или иной картины мира. Конфигурация переводческого дискурса может изменяться, что приводит к доминированию смыслов того или иного поля. В свете современных исследований национальная картина мира акцентируется как образование лишь относительно объективное, поскольку представляет собой продукт мышления, то есть культурный конструкт, принадлежащий коллективному целому. Это проявляется в различиях мировоззрений, способе мышления, манере изложения мыслей, контрасте между собственным видением себя как представителя некоторого этноса и восприятием другими. Расхождения национальных когнитивных систем, вбирающих в себя осознание реальности, содержат потенциальный конфликт. Особенно ярко столкновение менталитетов ощущается при переводе на другой язык. Тем самым возникает проблема нестандартных переводческих решений, снимающая напряженность между сложными цепочками социокодов различных культур. В литературе уже указывалось, что “профессия переводчика постоянно доказывает свою нужность людям”, позволяя реципиенту адекватно участвовать в межкультурной коммуникации [5, 131].

Сказанное актуализирует обращение к лингвистическому анализу переводческого дискурса, интегрирующего в себе лингвистические аспекты и визуализированные образы, так называемую внелингвистическую реальность. Согласимся с Н. Ф. Алефиренко, что “это объясняется тем, что дискурсивное образование, вторично интерпретируя и моделируя тот или иной фрагмент картины мира, порождает знаки вторичной и косвенно-производной номинации, поскольку соотносится с ним не отдельными своими частями, а как единое целое” [1, 178]. Примером сказанному может послужить авторская метафора.

В лингвистике авторская метафора рассматривается в координатах когнитивного направления, сутью которого выступает признание того, что языковая форма представляет собой отражение когнитивных структур. Лингвистический взгляд на метафору дополняется ее осмыслением в системе символов, восходящим к семиотике. Такой подход позволяет в рамках лингвистических исследований проанализировать специфику ментальных процессов в переводческом дискурсе. В данном контексте целью статьи является рефлексия типичных переводческих решений при осуществлении гибкого вариативного поиска в русско-немецкой коммуникации.

Репрезентацию авторской метафоры в переводческом контексте русской и немецкой картин мира проиллюстрируем на материале перевода повести “Собачье сердце” М. А. Булгакова. В современной литературе произведения М. А. Булгакова принадлежат к течению постмодернизма, которое с лингвистических позиций наименее изучено. Анализ авторских метафор М. А. Булгакова, возможно, позволит дополнить характеристики теории индивидуально-авторского стиля, что на протяжении длительного времени в современной теории текста признается актуальной задачей. Систематизация метафор в авторском когнитивном пространстве, вобравшем ключевые маркеры постмодернизма, создает художественную картину писателя, оттеняет его ключевые идеи и предоставляет достаточно конкретное поле для эффективных творческих решений переводчика.

Обратимся непосредственно к примерам. Для отображения высокого профессионализма профессора Преображенского, употребляется авторская метафора “**нож вскочил** ему в руки...” [3, 189]. При переводе с русского на немецкий язык Томас Решеке передает данную персонификацию следующим образом “**das Messer sprang** (нож прыгнул) ihm... in die Hand” [6, 61]. Можно привести еще один пример употребления персонификации: “Язвительная **усмешка искривила** ушишки человека...” [3, 207]. В переводе мы читаем: “ein giftiges **Lächeln zog** (улыбка искривила) den Schnurrbart des Menschen **schief...**” [6, 84].

Часто наблюдается сочетание в одном слове или словосочетании двух различных чувств, из которых одно приобретает абстрактное значение (синестезия). Например, в разговоре с профессором Преображенским Шариков с иронией говорит: “Известно чьи. **Трудового элемента**” [3, 207]. В немецком варианте мы читаем: “Ist doch klar, die **des werktätigen Elements** (трудодействующий элемент)...” [6, 83]. Можно привести еще один пример синестезии на материале М. А. Булгакова “**голубая радость** разлилась по лицу Швондера...” [3, 207]. В переводе Томаса Решеке мы читаем “**hellblaue Freude** ergoss sich über Schwonders Gesicht...” [6, 87].

Встречается также аллегория – “стилистический прием, заключающийся в иносказательном изображении отвлеченного понятия при помощи конкретного жизненного образа” [4, 116]. Например, “Инструмент мелькнул в руках **тяпнутого...**” [3, 188]. На немецкий язык данная фраза переведена следующим образом: “Das Instrument blitzte in der Hand des **Gebissenen** (укушенного)...” [6, 57]. Нужно отметить, что подобранная немецким переводчиком лексическая единица достаточно ярко передает замысел автора, хотя и не воспроизводит образ оригинала.

В повести “Собачье сердце” можно встретить антономазию или переименование – “своеобразная разновидность метафорического переноса” [2, 142]. В стилистике антономазия существует в двух видах: 1) использование имени собственного в значении нарицательного существительного; 2) использование нарицательных существительных, прилагательных или их частей и комбинаций в функции имени собственного. Иначе данный тип антономазии называют “говорящими именами”. Именно они являются излюбленными приемами выражения экспрессивности в литературе. Приведем пример данного вида метафор “а вдруг война с **империалистическими хищниками...**” [3, 210]. Томас Решеке перевел данную фразу следующим образом: “Und wenn auf einmal Krieg kommt **mit imperialistischen Räubern** (империалистическими разбойниками) ...” [6, 87]. Как видим, в немецком переводе антономазия не обнаружена.

Наибольшая частотность совпадений образов текста оригинала и перевода приходится на долю существительных (в тексте перевода Т. Решеке – 91%). Однако, специфика русского языка такова, что некоторые существительные не поддаются переводу, сохраняя своеобразие слова. Например: “**Муть** заходила в комнаты, и окна стали качаться” [3, 42]. Переводчик передает замысел автора вариантным соответствием, теряя своеобразие авторского стиля: “**Nebel** (туман) drang ins Zimmer, und Fenster begannen zu schlenkern” [6, 69].

Сохранение образного строя авторских метафор, смыслового сдвига можно достичь, используя разнообразный арсенал стилистики. Наиболее частотна метафорическая замена при помощи сравнения. Принято считать сравнение самым простым приемом передачи метафоры, что определяется лежащим в основе метафоры косвенным сравнением. Иногда сравнение является единственным вариантом передачи метафоры. “Борменталь **набросился хищно**, стал комьями марли давить Шарикову рану, затем маленькими, как бы сахарными щипчиками зажал ее края, и она высохла” [3, 139]. В переводном тексте: “Bormental **eilte raubtierflick herzu**, presste Mull auf den Schnitt, klemmte dann mit kleinen Zangen wie Zuckerzangen die Räuber ab, und das Blut versiegte” [6, 231–232]. (Буквально: Борменталь поспешно *кинулся проворно, как хищник*, прижал марлю к надрезу, зажал потом маленькими щипцами как щипцами для сахара заусенцы, и остановил кровь).

Использование сравнения не требует от переводчика применения тех же самых лексических единиц. Воспринимая образ хищника, переводчик использует в переводе лексическую единицу **raubtierflick**, компрессируя смысл и образ в одном слове.

Автор художественного произведения, создавая текст на родном языке, руководствуется интуицией и творческим порывом для создания целостного образа. Чтобы создать целостное образное впечатление средствами своего языка, писатель находит слова с соответствующей образу семантической программой и соединяет их так, чтобы у читателя в сознании сложилось подобное образное представление. Переводчик проводит анализ семантических компонентов метафорического выражения, а затем подыскивает лексические единицы, которые могут сочетаться с подобного рода выражением в языке-реципиенте.

Анализируя следующие примеры переводов авторской метафоры, можно наблюдать, что признак “животного начала” утрачивает свою актуальность. Снятие образа ведет обычно к генерализации, к употреблению нейтральных лексических единиц словарного фонда языка. “Филипп Филиппович полоснул второй раз, и тело Шарика вдвоем начали **разрывать крючьями, ножницами, какими-то скобками**”. – “Der Professor schnitt ein zweites Mal, dann **zerrten** sie zu zweit Bellos Körper **mit Haken, Scheren und Klammern** auseinande”r [6, 232]. (Буквально: Профессор полоснул второй раз, потом они растаскивали тело Шарика вдвоем крючками, ножницами, скобками).

В переводе, выполненном Томасом Решке, не сохраняется образ метафорической единицы “разрывать”, создаваемый автором повести. Сферой-источником метафорического выражения исходного текста является концепт “собака”. Актуализированными смыслами метафорического выражения “разрывать” можно считать “жадность, ненасытность”, которая проявляется в момент приема пищи животным. Порывы агрессии животного сопряжены со смыслами резких, частых движений, что не отражено в переводе. Переводчик расшифровывает смысл метафоры, тем самым предавая образ резких движений человека.

Сопоставляя следующий перевод метафорического выражения “вырвал из тела”, мы можем интерпретировать переводческое решение стремлением

сохранить образ оригинала. Переводчик осуществляет перевод с учетом функции семантической программы, заданной автором. В данной метафорической единице актуализируются смыслы образа ненасытного, жадного, агрессивного животного. Томас Решеке, употребляя в переводе лексическую единицу “**вырвал**”, достигает большей семантической эквивалентности, так как передает уровень экспрессии подлинника. “Филипп Филиппович залез в глубину и в несколько поворотов **вырвал из тела Шарика его семенные железы с какими-то обрывками**” [3, 139]. – “Der Professor griff tief hinein und **löste** (буквально: *вырывать, отделять*) mit ein paar Drehungen die Samendrüsen nebst Anhängsel **aus Bellos Körper**” [6, 232].

Можно утверждать, что благодаря опыту и таланту переводчика, авторские метафоры были мастерски воспроизведены на немецкий язык, и тем самым переводной текст сохранил экспрессию и эмоциональную окраску исходного произведения. Ведущий способ создания метафор М. А. Булгакова – это персонификация и олицетворение. Гораздо реже употребляется антономазия. В переводном же тексте такой вид метафор отсутствует. Вполне понятно, что прагматика любого языкового знака заключается в том, чтобы быть понятным. Однако подбор “правильных” слов для максимально адекватной передачи замысла автора, средств выразительности его слова, остается в области переводческих предпочтений.

Сказанное подводит к выводу, что трудности перевода булгаковских метафор кроются в креативном стиле, сложившемся под влиянием русской ментальности, душе автора, вложенной в произведение. Поэтому переводчику художественного текста следует помнить об ответственности, на него возлагаемой при передаче замысла автора.

Литература

1. Алефиренко Н. Ф. Современные проблемы науки о языке / Н. Ф. Алефиренко. – М. : Флинта : Наука, 2005. – 412 с.
2. Брандес М. П. Стилистика немецкого языка / М. П. Брандес. – М. : Высшая школа, 1983. – 271 с.
3. Булгаков М. А. Дьяволиада. Роковые яйца. Собачье сердце : [повести] / М. А. Булгаков. – СПб. : Азбука-классика, 2006. – 256 с.
4. Нелюбин Л. Л. Лингвостилистика современного английского языка : [учебное пособие] / Л. Л. Нелюбин. – М. : Флинта : Наука, 2007. – 128 с.
5. Рябова М. Э. Интегративные процессы как основа повышения качества подготовки переводчиков / М. Э. Рябова // Интеграция образования. – 2014. – № 2. – С. 130–135.
6. Bulgakow M. A. Hundehertz ; Dt. von Thomas Reschke ; 4. Aufl. / M. A. Bulgakow. – München : Deutscher Taschenbuch Verlag, 2002. – 132 s.

Анотація

Розглядаються лінгвістичні аспекти репрезентації авторської метафори в контексті перекладу з російської мови на німецьку. Виявлено відмінності у способах репрезентації дійсності в російській і німецькій картинах світу, реалізовані в авторських метафорах. Високорозвинений навик самоконтролю перекладача допоможе уникнути неточностей і помилок перекладу авторських засобів створення виразності. Зроблено висновок про можливість еквівалентного перекладу авторських метафор у рамках діалогу російської і німецької картин світу.

Ключові слова: когнітивна лінгвістика, авторська метафора, перекладацький дискурс, картина світу.

Аннотация

Рассматриваются лингвистические аспекты репрезентации авторской метафоры в контексте перевода с русского языка на немецкий. Выявлены различия в способах представления действительности в русской и немецкой картинах мира, реализованные в авторских метафорах. Высокоразвитый навык самоконтроля переводчика поможет избежать неточностей и ошибок перевода авторских средств выразительности. Сделан вывод о возможности эквивалентного перевода авторских метафор в рамках диалога русской и немецкой картин мира.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, авторская метафора, переводческий дискурс, картина мира.

Summary

This paper presents linguistic aspects of the authorial metaphor's representation within the context of translation from Russian to the German language. Differences in the methods of reality presentation in the Russian and German world views which actualize in the authorial metaphors are educed. The advanced skill of the translator's self control help to avoid inexactness and mistakes in the translation of authorial means of expression. The conclusion is drawn about the possibility of the authorial metaphors' equivalent translation as a part of the dialogue between Russian and German world views.

Keywords: cognitive linguistics, authorial metaphor, translation discourse, worldview.

УДК 81'42

Великова С. В.,
доцент, доктор филолог,
Шуменски университет "Епископ Константин Преславски"
(Шумен, България)

ДЕПРОФЕСИОНАЛИЗАЦИЯ НА ЖУРНАЛИСТИЧЕСКИЯ ДИСКУРС

В настоящата публикация се коментират езиковите измерения на депрофесионализацията в журналистическия дискурс. По принцип наративът за депрофесионализацията като феномен не намира място в текстовете, посветени на българската журналистика. Макар и да съществуват множество материали, които обсъждат кризата и упадък в журналистическия професионализъм, рядко вниманието се фокусира върху депрофесионализацията като феномен в журналистическите практики, а проблемът за инструментализирането на езика от новинарските институции и използването му като стратегически механизъм за депрофесионализация не се теоретизира. Затова проучването се фокусира върху начините, по които езиковият код на журналистиката се употребява за удовлетворяване на целите на медийните организации.

50-те години на миналия век са пределният период, след който започват да се настаняват думичките с префиксите пост-, де-, нео-, ре- като смислова противоположност на предходни явления – постструктурализъм, постмодернизъм, дерационализация, дебюрократизация, демократизация, неолиберализъм, неоконсерватизъм, репрофесионализация и пр. Езиковите иновации обозначават всеобхватни и необратими промени в начините на живеене. Професионалната сфера не прави изключение. Днес професиите изпитват натиск по отношение на автономността си; трудно осъществяват професионален контрол върху работата